Азбука
PREMIUM

КНИГИ

ОРХАНА ПАМУКА

в серии «Азбука Premium»:

Джевдет-бей и сыновья

Дом тишины

Белая крепость

Черная книга

Новая жизнь

Имя мне – Красный

Другие цвета

Снег

Стамбул. Город воспоминаний

Музей Невинности

Мои странные мысли

Рыжеволосая Женщина

Орхан Памук

Джевдет-бей и сыновья

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44
П 15

Orhan Pamuk
CEVDET BEY VE OĞULLARI
Copyright © 1982, 1995, Iletisim Yayincilik A.S.
All rights reserved

Перевод с турецкого Михаила Шарова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

© М. Шаров, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08966-2

Часть I
Предисловие

Глава 1
УТРО

«И рукава, и спина... И весь класс... И простыни... Ай-ай-ай, вся кровать мокрая! Да, все промокло, я и проснулся», — бормотал Джевдет-бей. Все было мокрым, как в только что виденном сне. Ворча про себя, Джевдет-бей перевернулся на другой бок, вспомнил, что ему снилось, и вздрогнул. Во сне он снова был учеником начальной школы в Куле — сидел за партой, а напротив стоял учитель. Джевдет-бей приподнял голову с влажной подушки и сел в кровати. «Да, мы сидели, учитель стоял. Вся школа была по колено в воде, — сказал он вслух. — Почему? Потому что протекал потолок. С потолка лилась соленая вода, текла по моему лбу, по груди, растекалась вокруг. А учитель тыкал в меня указкой и говорил классу: „Все из-за этого Джевдета“». Вспомнив, как в него тыкали указкой, как все одноклассники, повернув голову, презрительно и осуждающе на него смотрели (взгляд старшего брата был самым презрительным и осуждающим), Джевдет-бей вздрогнул. Однако учитель, которому ничего не стоило в один присест избить весь класс на фалаке[1] и который одной пощечиной мог свалить ученика наземь, все-таки никак не наказывал его, Джевдета, за льющуюся с потолка воду. «Я был не похож на других — всегда один, все меня презирали, — размышлял Джевдет-бей. — Но никто не посмел меня и пальцем тронуть, хотя вода растеклась по всей школе!»

---

[1] *Фалака* — орудие наказания, применявшееся в школах Османской империи, — деревяшка, к которой привязывают ноги, чтобы потом бить палкой по пяткам. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

Страшный сон вдруг пробудил в нем приятные воспоминания. «Да, я был не как все, всегда один — но наказать меня не могли». Вспомнив, как однажды он забрался на крышу и побил черепицу, Джевдет-бей встал с кровати. «Побил черепицу. Сколько лет мне тогда было? Семь. А сейчас мне тридцать семь, я помолвлен и скоро женюсь». Вспомнив о своей невесте, Джевдет-бей испытал приятное волнение. «Да, скоро мы поженимся, и... Э, да что это я! Опоздал!» Чтобы узнать, который час, он сначала метнулся к окну, раздвинул шторы и выглянул на улицу. За окном был туман, исходящий странным призрачным сиянием. Солнце, стало быть, уже взошло. И тут, злясь на себя за то, что никак не может избавиться от старой привычки определять время по солнцу, он посмотрел на часы: полпервого[1]. «Господи, как бы не опоздать!» И Джевдет-бей побежал в уборную.

Умывшись и приведя себя в порядок, Джевдет-бей еще больше взбодрился. За бритьем он снова размышлял о своем сне, потом, вспомнив, что сегодня предстоит идти в особняк Шюкрю-паши, решил надеть новый костюм, рубашку с накрахмаленным воротничком, галстук, который полагал самым элегантным, и феску, заказанную к церемонии помолвки. Посмотревшись в небольшое настольное зеркало, Джевдет-бей решил, что выглядит именно так, как надо, — и все-таки ему стало немного грустно. В том, что он с таким волнением наряжается, собираясь идти в дом своей невесты, было нечто смешное. Все еще ощущая легкую, безобидную грусть, Джевдет-бей снова раздвинул шторы. Туман окутал минареты мечети Шехзадебаши, но купол виднелся довольно отчетливо. Виноградные лозы, увившие решетку в соседнем саду, казались зеленее, чем обычно. «Жаркий будет денек!» — подумал Джевдет-бей. У решетки сидела кошка и лениво вылизывалась. Вспомнив о своей двухместной карете, Джевдет-бей высунулся из окна: так и есть, уже по-

[1] Здесь и далее в этой части книги время указывается в соответствии с применявшейся в Османской империи системой, в которой сутки начинались в шесть часов утра.

дана. Лошади помахивали хвостами, кучер в ожидании сидел у ворот и курил. Рассовав по карманам пачку сигарет, зажигалку и бумажник, Джевдет-бей еще раз взглянул на часы, тоже положил их в карман и вышел из комнаты.

По обыкновению громко топая, он спустился по лестнице, где его, опять-таки как обычно, поджидала, заслышав шум, улыбающаяся Зелиха-ханым с вестью о том, что завтрак уже готов.

Стараясь сохранять внушительный вид, Джевдет-бей сказал:

— Милая Зелиха-ханым, у меня совсем нет времени. Ухожу.

— Как же так, не перекусив-то? — расстроилась старушка. Однако, увидев решительное выражение на лице Джевдет-бея, она скрылась на кухне.

Джевдет-бей проводил ее печальным взглядом, но сразу на улицу не вышел. Он думал о том, что после свадьбы от Зелихи-ханым придется как-то избавиться. Она приходилась ему дальней родственницей — очень дальней, — но с тех пор, как они поселились под одной крышей, между ними установились отношения, похожие на отношения матери и сына. В Хасеки у него были и гораздо более близкие родственники, но девять лет назад, когда Джевдет-бей купил этот дом, он пригласил жить с ним именно Зелиху-ханым, поскольку решил, что она будет меньше вмешиваться в его дела. Старушка, у которой не было ни семьи, ни денег, поселилась на первом этаже маленького деревянного домика, в котором было всего четыре комнаты. За крышу над головой она прибиралась и готовила. Оглядывая обжитый Зелихой-ханым этаж, Джевдет-бей раздумывал, как бы уговорить ее с ним расстаться. После свадьбы она оставаться с ним не могла, поскольку продуманная Джевдет-беем модель семейной жизни не предусматривала наличия подобной персоны. Согласно этой модели, домашняя прислуга должна относиться к Джевдет-бею как к хозяину, а вовсе не как к сыну. Зелиха-ханым, видимо, догадывалась, что, женившись, продав дом и переехав на другой берег Золотого Рога, Джевдет-бей постара-

ется от нее отделаться, и поэтому в последнее время стала еще более старательной и усердной. Вот она уже спешит из кухни с тарелкой в руках:

— Сыночек, я бы тебе кофе приготовила. Всего минутку...

— Нет у меня времени, совсем нет! — ответил Джевдет-бей и, улыбнувшись, взял с тарелки веселый, как начинающийся день, хлеб с вишневым вареньем.

Поблагодарив Зелиху-ханым, он снова улыбнулся, а выходя, понял, что улыбнулся не с любовью, а с жалостью, и ему стало не по себе. Ему захотелось что-нибудь сказать Зелихе-ханым, и он, вернувшись, сообщил, что, возможно, придет поздно, но на душе легче не стало.

Направляясь к карете, Джевдет-бей снова вспомнил свой сон: «Да, я не такой, как все, — но никто меня не наказывает!» От сердца немного было отлегло, но тут он увидел кучера — и настроение снова испортилось, поскольку тот, подобно всем кучерам, хорошо осведомленный о подробностях частной жизни своего клиента, смотрел на него с таким выражением, будто говорил про себя: «Ах ты такой-сякой, я про тебя все знаю — куда ездишь, что делаешь, о чем думаешь!» Джевдет-бей весело ему улыбнулся, справился о здоровье, велел ехать к лавке в Сиркеджи[1], сел в карету и впился зубами в хлеб с вареньем.

Карета, покачиваясь, ехала мимо деревянных домов, на фоне которых выглядела еще более роскошной, чем была на самом деле. Эту двухместную карету Джевдет-бей взял напрокат на три месяца, поскольку полагал, что при помолвке и во время свадебных церемоний она будет ему необходима. Двумя месяцами ранее, едва узнав, что Шюкрю-паша согласен выдать за него свою дочь, он отправился в Ферикёй[2], где находилась контора, выдававшая напрокат роскошные экипажи, и, поторговавшись, нанял на три месяца карету с куче-

[1] *Сиркеджи* — район в европейской части Стамбула на южном берегу залива Золотой Рог.

[2] *Ферикёй* — район в европейской части Стамбула на северном берегу залива Золотой Рог.

ром. Ему не хотелось подъезжать к особняку паши в обычной наемной карете, а купить эту — хотя содержание ее и обходилось в немалую сумму — он не мог, поскольку приобретение кареты могло нарушить некоторые задуманные им торговые сделки. Поедая хлеб с любимым вишневым вареньем, Джевдет-бей размышлял: «Однако держать эту карету больше трех месяцев просто глупо. Денег-то сколько уходит! Лучше бы я ее купил. Но если купить, то не останется денег на кое-какие расходы по лавке. Как быть? Свадьба мне дорого обойдется! Но без нее никак...» Подумав о свадьбе, о новой жизни, которую он столько лет представлял себе в мечтах, о новом доме, о будущей семье и о невесте, которую видел всего два раза, Джевдет-бей пришел в хорошее расположение духа. Промелькнула у него, правда, мысль о том, что кое-кто посмеялся бы над тем, кто держит столь роскошные кареты, но настроение было такое хорошее, что он эту мысль выбросил из головы. «Если бы я обращал внимание на подобные пустяки, — подумал он, — нечего мне было бы делать в коммерции! Собственно говоря, мусульмане потому и не решаются заняться торговлей, что боятся осрамиться, стесняются... А мне все равно! Ну желает госпожа карету — и что тут такого?» Ему очень нравилось называть свою невесту Ниган, виденную им два раза, госпожой. Карета меж тем, покачиваясь, спускалась по склону холма, и Джевдет-бей легонько покачивался в такт. «Милая моя, если дела в лавке и у компании пойдут хорошо, купим мы эту карету, тут же купим», — пробормотал он себе под нос и засунул в рот последний кусочек хлеба. Затем, словно ребенок, съевший конфету и грустно глядящий на руку, в которой она только что была, Джевдет-бей уставился на свои пальцы. «Но свадьба, похоже, лишит меня даже того, что есть», — подумал он и расстроился.

Карета спустилась по улице Бабы-Али и свернула в переулок. Туман рассеялся, и на смену странному сиянию пришел обычный яркий солнечный свет. Лучи летнего солнца быстро нагрели карету, и Джевдет-бей начал медленно поджариваться. «Ну и жаркий же денек будет! Какие у меня

сегодня планы? Поскорее бы разделаться с делами в лавке! Потом, может быть, брата навещу». Но о старшем брате, который сейчас лежал больной в пансионе в Бейоглу[1], Джевдет-бею думать не хотелось. «Потом обед с Фуат-беем. Он недавно вернулся из Салоник... А после обеда — в Нишанташи[2], в особняк Шюкрю-паши!» При мысли о том, что, возможно, ему удастся в третий раз увидеть невесту, Джевдет-бей разволновался. «Потом надо будет еще разок взглянуть на тот дом, что подыскал посредник». Джевдет-бей давно решил, что, женившись, купит дом в Нишанташи или Шишли[3]. «Потом вернусь в лавку. Жаль, не смогу там сегодня долго пробыть. Какой у нас сегодня день? Понедельник!» Джевдет-бей посчитал на пальцах: три дня тому назад на султана Абдул-Хамида[4] было совершено покушение во время пятничного следования в мечеть; ровно за две недели до этого состоялась помолвка. «Уже семнадцать дней, как я помолвлен!» Тут карета остановилась у дверей лавки.

Стоило Джевдет-бею завидеть свою лавку, как мысли о счетах, о доходах и расходах, убаюканные покачиванием кареты, с новой силой вспыхнули в его мозгу. «Надо написать заказ на краску. Кому бы продать те светильники, что оказались бракованными? Если Ашкенази не вернет сегодня долг, я ему скажу, что... — Между тем он уже переступал порог лавки. — Во имя Аллаха! Потребую у Ашкенази больше двух сотен лир. Если согласится, дам отсрочку еще на месяц». Войдя в лавку, Джевдет-бей сухо кивнул одному мальчику, а другому, работящему и скромному, улыбнулся.

— Эй, сынок, принеси-ка мне кофе! — бросил он первому мальчику. — Да купи еще булочку!

---

[1] *Бейоглу* — район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

[2] *Нишанташи* — район в европейской части Стамбула, севернее Бейоглу.

[3] *Шишли* — район в европейской части Стамбула, неподалеку от Нишанташи.

[4] *Абдул-Хамид II* (1842–1918) — турецкий султан (1876–1908). В начале правления ввел конституцию, но вскоре распустил созванный на ее основании парламент и установил деспотический режим.

Как всегда по утрам, Джевдет-бей первым делом устремился к стоящему в глубине лавки столу, сел и оглянулся по сторонам, словно ища, к чему бы придраться. Затем, увидев, что на столе, как всегда, лежит номер «Монитер Д'Ориент», успокоился и сел поудобнее. Джевдет-бей читал эту газету потому, что ее покупали все коммерсанты, потому, что она уделяла достаточно внимания коммерческой жизни, и еще потому, что он не хотел забывать французский. Сначала Джевдет-бей по привычке взглянул на дату: 24 июля 1905-го, или 11 теммуза 1321-го, понедельник, потом просмотрел заголовки. Прочитал последние новости, связанные с покушением на султана. Пробежал глазами сообщения о ходе Русско-японской войны — они его не очень заинтересовали. Потом перевернул страницу и углубился в биржевые сводки, среди которых нашел несколько весьма интересных для себя новостей. Кое-что любопытное было и на странице объявлений. Торговец железом Димитрий продавал свой склад, — должно быть, дела пошли совсем плохо. Панайот, который, как и Джевдет-бей, занимался электрическими приборами и скобяными изделиями, рекламировал новый товар. Джевдет-бей решил было тоже дать объявление, но передумал. Потом его взгляд упал на сообщение о том, что в «Одеоне» открывает новую программу какая-то театральная труппа. Тут ему вспомнился брат, и он вздрогнул. Тяжелобольной старший брат Джевдет-бея был влюблен в театральную актрису, армянку. Стараясь избавиться от мыслей о брате, Джевдет-бей съел принесенную мальчиком булочку, выпил кофе и начал неторопливо читать статью, привычно расстраиваясь при виде незнакомых французских слов. Потом, как это всегда с ним происходило, когда он читал по-французски, Джевдет-бей стал вспоминать, как упорно он старался выучить этот язык, как занимался с дорогим частным преподавателем, как читал вместе с ним простейшую книгу о жизни французской семьи. Как ему тогда хотелось, чтобы и у него была такая же замечательная семья и такой же дом, как в этой книге! Вспоминать об этом было очень приятно. Скоро, думал Джевдет-бей, и моя жизнь станет похожа на жизнь

той французской семьи. Добравшись до середины статьи, он решил, что попусту теряет время, отложил газету и поднялся из-за стола. Булочку он съел, кофе выпил, сигарету выкурил, газету просмотрел. Теперь Джевдет-бей чувствовал себя в достаточной степени собранным, решительным и спокойным, чтобы приступить к делам. Расчеты и планы, связанные с торговлей, уже не лежали мертвым грузом на дне его сознания, как утром, и не полыхали пожаром, как только что. Теперь эти мысли напоминали сильное, но спокойное пламя — именно такими надлежит быть мыслям подлинного коммерсанта. «Что ж, первым делом еще раз взглянем с Садыком на счета», — подумал Джевдет-бей.

Счетовод Садык был молод, на десять лет моложе Джевдет-бея, но выглядел старше своих лет. Поднявшись на второй этаж, Джевдет-бей переговорил с ним, выяснил, что разница между предстоящими до четверга расходами и доходами будет совсем небольшой, и решил, что пойдет к Ашкенази и потребует выплаты долга.

Затем Джевдет-бей спустился к продавцам, поговорил со средних лет албанцем, который считался кем-то вроде главного продавца, показал ему на прилавок, заставленный банками с краской, светильниками и всякой мелочью, и сказал, что покупателям нравится, когда на прилавке порядок. Он имел в виду, что прилавок должен быть пуст, но албанец его не понял и попытался убедить, что это-то и есть порядок. В ответ Джевдет-бей сам зашел за прилавок и, то и дело кидая на продавцов суровые взгляды, расставил все по местам, а потом, дабы те смотрели и учились, обслужил зашедшего в лавку покупателя. Заметив, что его урок произвел на пристыженных продавцов должное впечатление, он вернулся за свой стол, откуда мог следить за всем, что происходит в лавке.

Усевшись за стол. Джевдет-бей решил составить заказ на краску. Быстро, привычной рукой написав заказ до середины, он подумал, что неплохо было бы нанять секретаря и поручать подобные дела ему. Однако новый служащий — это новые расходы. «Да к тому же сейчас, когда столько денег

уходит на подготовку к свадьбе!» Тем временем со склада, находившегося в двух минутах ходьбы, пришел сторож и сообщил, что прибыли ящики со светильниками, однако они оказались такими большими, что носильщики никак не могут протащить их в дверь, и он, сторож, боится, как бы они чего-нибудь не разбили. Джевдет-бей нехотя встал из-за стола и пошел улаживать это дело. Походив вокруг ящиков, он велел вскрыть их и перенести содержимое на склад. Что было довольно глупо, поскольку светильники предназначались для отправки поездом в Анатолию, но другого выхода все равно не было. Разобравшись с лампами, Джевдет-бей дописал заказ и погрузился в печальные размышления о нехватке денег и времени. Неразрешенным оставался и вопрос о том, как избавиться от бракованных светильников. Надо спросить у Фуата — на его смекалку и дружеские чувства вполне можно положиться. Тут Джевдет-бей беспокойно взглянул на часы. Почти половина третьего. Пора идти к Ашкенази.

Глава 2
КОММЕРСАНТ-МУСУЛЬМАНИН

Едва Джевдет-бей вышел из лавки, как настроение у него улучшилось. С утренними заботами покончено легко и просто. Все шло замечательно — как всегда. Пройдя мимо своего кучера, который, сидя под деревом, точил лясы с другим кучером и его не заметил, Джевдет-бей направился в сторону Султанхамама[1], по дороге размышляя, в каких выражениях будет требовать с Ашкенази денег и предлагать тому отсрочку в обмен на увеличение суммы долга. На ходу он здоровался со знакомыми — владельцами лавок в Сиркеджи, преимущественно евреями и греками. Те провожали затесавшегося в их ряды мусульманина любопытствующими взгля-

[1] *Султанхамам* — район в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

дами. Джевдет-бей улыбался. Он понимал, что означают эти взгляды: «Ага, этот торговец в феске хочет стать одним из нас. Его смелость и решительность нам нравятся!» Взгляд Джевдет-бея в свою очередь говорил: «Знаю-знаю, что вы обо мне думаете! Знаю, что я на вас не похож!» Когда до лавки Ашкенази оставалась пара шагов, какой-то торговец прогудел из глубины своего магазинчика:

— Э, осветитель Джевдет-бей! Какой вы сегодня шикарный!

— А я всегда такой, — бросил в ответ Джевдет-бей, чтобы показать, что шутки понимает и ценит, но тут же вспомнил, что шикарно оделся по вполне определенной причине, и покраснел.

Едва войдя в лавку стройматериалов и предметов домашнего обихода, принадлежавшую Ашкенази, Джевдет-бей, к своему неудовольствию, понял, что хозяина нет на месте: в лавке царила непринужденная, расслабляющая атмосфера, мальчики бездельничали и перешучивались между собой. Один из них сказал, что пароход с островов[1] задержался из-за утреннего тумана, и Джевдет-бей вспомнил, что летом Ашкенази переезжал на Большой остров. Внезапно ему стало грустно. Среди всех этих евреев, греков и армян он чувствовал себя очень одиноким.

Назад он решил вернуться другой дорогой — по проспекту, понадеявшись, что тамошняя многолюдная суета развеет его грусть. По пути Джевдет-бей размышлял о своем одиночестве. «Сколько в Стамбуле таких, как я, — богатых торговцев и при этом мусульман? В Сиркеджи, Махмутпаше и Селяниклилере — лишь недавно открывший лавку Фуат-бей да аптекарь Этхем Пертев. Я богаче и того и другого. Один я, один...» Было жарко, и Джевдет-бей обливался потом в своем строгом костюме. На ум ему снова пришел давешний сон: «Тогда было то же самое. Все вместе, а я один. И пот по лбу тек». Порывшись в карманах, он понял, что

[1] Имеются в виду Принцевы острова в Мраморном море, место летнего отдыха стамбульцев.

забыл дома платок. «После свадьбы за этим будет следить госпожа», — сказал Джевдет-бей сам себе, но даже мысли о свадьбе и семейной жизни его не утешили. «А что я сделал, чтобы стать не таким, как все? Работал, трудился! Ни о чем не думал, кроме лавки и того, как расширить дело. Работал, не жалея сил!» Тут Джевдет-бей с радостью заприметил на углу торговца прохладительными напитками. «И в конце концов успеха я добился...» Выпив стакан воды с вишневым сиропом, Джевдет-бей почувствовал, что на душе у него полегчало, и решил, что причиной тоски была ужасная летняя жара. В этот момент кто-то его окликнул:

— Никак Джевдет-бей? Как поживаешь?

Это был доктор Тарык, один из друзей брата по Военно-медицинской академии. Как обычно и бывало с приятелями Нусрета, он вначале обрадовался при виде Джевдет-бея, но потом, вспомнив, что это все-таки совсем другой человек, поскучнел. Подробно расспросив Джевдет-бея о здоровье брата и о многом другом, что с ним связано, доктор Тарык, даже не пытаясь скрыть пренебрежительной усмешки, сказал:

— Ну а ты, интересно, что поделываешь? Небось все торговля, торговля... — и, наспех попрощавшись, растворился в толпе.

«Да, торговля. Торговля! — пробормотал Джевдет-бей и направился к своей лавке. — А чем мне надо было заняться? Стать военным врачом, как некоторые, я не мог...» Ему вспомнились детство и первые годы юности. Его отец Османбей был мелким чиновником в городке Кула. Там Джевдет ходил в начальную школу. которую видел сегодня во сне. Потом отец получил повышение, и они переехали в Акхисар. Город этот был довольно богатый, поскольку через него проходила железная дорога. Там Джевдет пошел в рюштийе — среднюю школу. Летние дни он проводил, бродя в одиночестве среди окружавших Акхисар виноградников и инжирных садов. Учителя говорили, что и он, и его брат Нусрет очень способные ученики, а отец всегда добавлял, что это они в мать такие умные пошли. Потом их умная мама, которую

отец безумно любил, заболела. Осман-бей попросил о переводе в Стамбул, где ее можно было бы положить в больницу, но получил отказ. Тогда он ушел в отставку, переехал с семьей в Стамбул, положил жену в больницу, а сам открыл в Хасеки дровяную лавку. Год спустя Нусрет поступил в Военно-медицинскую академию, а еще через полгода отец внезапно умер, оставив на руках у Джевдета больную мать и лавку. До двадцати лет Джевдет торговал в Хасеки дровами и пиломатериалами, затем перенес свой склад в Аксарай. Когда ему было двадцать пять, он открыл в Аксарае маленькую лавку скобяных изделий, а через несколько лет переехал в Сиркеджи. В том же году умерла мать. Нусрет оставил Джевдету все, что ему причиталось по наследству, и уехал в Париж. Через год Джевдет разорвал отношения с оставшимися в Хасеки родственниками и купил дом в районе Вефа[1]. «Да, я не мог стать военным врачом, как этот Тарык! Мне оставалось только заняться торговлей — и по этому пути я пошел смело, безоглядно. Был бы чуть трусливее — до сих пор сидел бы в дровяной лавчонке в Хасеки!» Мысли о жизни в Хасеки, о тамошних родственниках и знакомых навевали на Джевдет-бея тоску. «Сбежал я от них. С ними о настоящей коммерции и думать нельзя было». Вдалеке показалась лавка; карета теперь стояла в тени под деревом. «Лавочка моя!» — промурлыкал Джевдет-бей себе под нос. Главным своим успехом, впрочем, он считал не переезд из Хасеки, а то, что пять лет назад добился исключительного права поставлять осветительные приборы муниципалитету и пароходной компании «Хайрийе», после чего получил среди торговцев прозвище Осветитель. Воспоминания об этом успехе всегда доставляли Джевдет-бею удовольствие. С тех пор как он занялся осветительными приборами, оборот его компании увеличился в четыре раза. Конечно, пришлось раздать немало взяток в муниципалитете, и вспоминать об этом было не очень приятно, что сам успех, впрочем, нисколько не

[1] *Вефа* и *Хасеки* — районы в европейской части Стамбула на южном берегу Золотого Рога.

омрачало. Джевдет-бею снова вспомнился недавний сон: «Эх, что поделать! Но и это сошло мне с рук...» Вспомнилась ему и Зелиха-ханым, ее взгляд сегодня утром на лестничной площадке. «Что поделать, что поделать, такова жизнь!» — сказал Джевдет-бей вслух. Он чувствовал себя спокойным и неуязвимым, как будто на нем была невидимая броня, защищающая от всех невзгод.

Подойдя к лавке, Джевдет-бей в который раз прочитал надпись на вывеске:

ДЖЕВДЕТ-БЕЙ
И СЫНОВЬЯ
СКОБЯНЫЕ ТОВАРЫ — ИМПОРТ — ЭКСПОРТ

Экспортом, правда, Джевдет-бей еще не занялся, да и сыновей у него не было, но и то и другое значилось в планах. «Эх, не получилось с Ашкенази долг получить», — размышлял Джевдет-бей, входя в лавку. «Поговорю-ка еще разок с Садыком о счетах. Потом подумаю, что делать с бракованными светильниками... Кстати, который час? Э, совсем времени нет! Надо еще сходить на склад, посмотреть, как там дела. Как бы не побили все. А это что за мальчик, что ему от меня нужно?»

Маленький мальчик, поджидавший Джевдет-бея в лавке, протянул ему конверт:

— Эфенди, это от мадемуазель Чухаджиян!

Сначала Джевдет-бей никак не мог вспомнить, кто такая эта мадемуазель, и, сам не зная отчего, смутился и покраснел. Дал мальчику бакшиш и тут вспомнил, что так звали армянку, возлюбленную брата. Разволновавшись, Джевдет-бей вскрыл конверт и прочитал:

«Джевдет-бей, Ваш брат Нусрет очень плох. Вчера вечером потерял сознание. Утром как будто пришел в себя, но все равно очень, очень слаб. Если бы Вы пришли его навестить, ему было бы очень приятно. Пожалуйста, не говорите ему, что я написала Вам это письмо».

«Очень плох, видите ли, — пробормотал Джевдет-бей про себя, засовывая конверт в карман. — И с мамой так же было,

но она ведь тогда не умерла! Снова хотят денег... А у меня и так ни на что нет времени!» Заметив, что мальчик по-прежнему стоит у него за спиной, ожидая ответа, Джевдет-бей внезапно устыдился своих мыслей. «А что, если он и вправду настолько плох? Боже, о чем я думаю! Что я за человек! У меня же брат умирает!» — думал он, нервно меряя лавку шагами.

Вручив мальчику еще монетку, Джевдет-бей отослал его прочь. Потом, не находя себе места от волнения, поговорил с продавцом-албанцем и счетоводом Садыком. Он понимал, что говорит ерунду, что и продавец, и счетовод дивятся на него, а в голове все крутилось одно: «Брат умирает!» Джевдет-бей сам не ожидал, что может так разволноваться. «Мне нужно успокоиться!» — сказал он сам себе, садясь в карету, и приказал кучеру ехать в Бейоглу.

Когда карета тронулась с места, Джевдет-бею удалось немножко успокоиться. «Может быть, он и не умирает вовсе. Может, это просто небольшой кризис... Вот и с мамой так было... А разволновался я, потому что, кроме брата, у меня близких людей нет! Никого у меня нет!» Когда карета поравнялась с лавкой Ашкенази, Джевдет-бей, пытаясь избавиться от тревожных мыслей, стал смотреть в окно.

Карета остановилась у Галатского моста, кучер платил за проезд. Продавец лимонада стоял на своем обычном месте, оглашая окрестности призывными криками. Мухи садились на персики, лежавшие на тележке торговца фруктами. Вдали, у верфи в Касымпаше[1], виднелись остовы судов, завалившиеся набок шхуны, проржавевшие баржи. Карета вновь тронулась с места. Утренний туман рассеялся, и над мостом распростерлось ярко-голубое небо, по которому плыло несколько облачков. Знакомый Джевдет-бею колесный пароход «Сухулет» шел из Золотого Рога в сторону Мраморного моря. Посредине моста у перил стоял и смотрел на волны высокий широкоплечий мужчина в большой шляпе, рядом

[1] *Касымпаша* — район в европейской части Стамбула на северном берегу Золотого Рога.

с ним — женщина с незакрытым лицом. Дети, одетые в матросские костюмчики, держали их за руки. «Вот это семья!» — подумал Джевдет-бей. Впереди, у фонарного столба, стояли двое мужчин в фесках и галстуках и тоже наблюдали за семейством человека в шляпе. «Вот это семья!» Мимо мужчин в фесках пробежали носильщики с шестами, к которым была приторочена поклажа. К мосту приближался другой знакомый Джевдет-бею пароход — «Сахильбент»; приникшие к перилам дети смотрели на него во все глаза. В первые месяцы после переезда в Стамбул Джевдет-бей тоже приходил сюда, смотрел на море и на корабли, наблюдал за всей этой странной суетой, провожал взглядом роскошные кареты. В те времена набережную в Сиркеджи еще не построили. «В те времена... Да ведь двадцать лет прошло!» — подумал Джевдет-бей, вспомнил, как впервые пришел сюда с братом, и снова его охватил страх.

Он вытащил из кармана письмо и внимательно его перечитал. Написавшая письмо особа просила не говорить о нем Нусрету. Эта женщина очень любила брата, и если она в состоянии думать о подобных мелочах, значит его дела не так уж плохи. Джевдет-бей вспомнил, как счел поначалу это письмо уловкой, чтобы выманить у него денег, и ему стало стыдно. «Ладно, но почему она не хочет, чтобы я ему сказал? Да потому, что брат был против того, чтобы я знал о состоянии его здоровья!» Брат всегда относился к нему пренебрежительно, ему не нравился ни образ жизни Джевдет-бея, ни образ его мыслей. Деньги, впрочем, Нусрет у него брал — поэтому и не хотел видеть брата, а когда они все-таки встречались, мучился от стыда, но старался побольнее уязвить Джевдет-бея. Понимая, что встречи не доставляют удовольствия ни ему, ни брату, Джевдет-бей навещал его крайне редко. При встречах Джевдет-бей каждый раз, поговорив с братом о том о сем, принимался уверять его, что необходимо лечь в больницу и избавиться наконец от этой проклятой болезни. Брат в ответ неизменно говорил, что больницы созданы исключительно для того, чтобы отправлять людей на кладбище, и уж

кому-кому, а ему, врачу, это отлично известно. Потом наступало молчание. Посидев еще немного, Джевдет-бей доставал конверт с деньгами, клал его куда-нибудь в уголок и уходил.

Прочитав еще раз присланное армянкой письмо, Джевдет-бей начал размышлять о болезни, подкосившей брата, и вспоминать о том, как болела мать. У обоих был туберкулез. Мать болела долгие годы, состояние ее то ухудшалось, то улучшалось. У брата первые признаки болезни проявились три года назад, в Париже. Мать, пока болела, постоянно ворчала, на все жаловалась и отравляла близким жизнь. С братом происходило то же самое. Мать была хрупкого телосложения, а от болезни исхудала еще больше. Брат тоже стал очень худым — таким худым, что Джевдет-бей, увидев его после возвращения из Парижа, испугался. Мать тщательно выполняла все указания врачей, делала все, что ей говорили. Брат же все время отпускал шуточки в адрес докторов, потому что сам был врачом. К тому же он любил приложиться к бутылке, да и вообще характер у него был прескверный. «Да, не следил он за собой», — пробормотал Джевдет-бей. Он вдруг понял: как бы брат ни издевался над ним, как бы ни оскорблял — он все равно любит Нусрета и не может на него сердиться. Ему вспомнилось детство: как играли они с братом и приятелями в орехи, в камешки, в осаду крепости; как в день Хызыр-Ильяса[1] ездили за город, ели жареного барашка и халву. Девочки разбивались на две группы, играли в свадьбу, пели песни. Вокруг сады, виноградники... «Прошли те времена, прошли!» — пробормотал Джевдет-бей.

Карета въехала в район Туннеля и продвигалась в сторону Галатасарая. Внезапно она остановилась напротив оптики месье Верду. Джевдет-бей высунулся из окна: дорога впереди была перегорожена завалившимся набок ландо. Со скучающим видом он принялся осматриваться вокруг, читать вывески и наблюдать за людьми.

Из знаменитой парикмахерской Петро выходил человек в шляпе. У лавки Боттера, который, как говорили, был лич-

[1] *День Хызыр-Ильяса* — у мусульман первый день лета, 6 мая.

ным портным наследника престола Решата-эфенди, стояли две женщины-христианки и рассматривали выставленные в витрине товары. За стеклом ювелирной лавки Декюжи переливались драгоценные камни. Впереди виднелась кондитерская Лебона. Взгляд Джевдет-бея упал на вывеску бакалейной лавки Димитрокопуло, и вновь его, как утром, охватило чувство одиночества. Чтобы прогнать его, Джевдет-бей попытался уйти в воспоминания о детстве и о садах Акхисара. «И среди тех я чужой, и среди этих!» Карета снова тронулась с места. «Хоть бы брат ко мне по-человечески относился... Да что это со мной сегодня?» Снова он вспомнил давешний сон — только теперь он казался Джевдет-бею мрачным и страшным. Из всех ребят во сне наиболее осуждающе и презрительно на него смотрел Нусрет. «Почему он меня презирает? Потому что он, видите ли, младотурок!»

С младотурецкими идеями Нусрет впервые познакомился во время своей первой поездки в Париж. Окончив Военно-медицинскую академию в чине капитана, он прошел двухгодичную стажировку в больнице в Хайдарпаше[1], а затем несколько лет служил в военных госпиталях Анатолии и Палестины. Нусрета постоянно переводили с места на место — должно быть, из-за неуживчивого и вздорного нрава, — пока наконец не перевели в Стамбул (это было в том году, когда Джевдет-бей открыл лавку в Аксарае). Родственники в Хасеки подыскали ему невесту, он женился, но через два года, бросив жену беременной, уехал в Париж. Родственники, с которыми с тех пор Джевдет-бей разорвал всякие отношения, полагали, что причиной отъезда были подозрительные журналы и газеты, которые Нусрет держал у себя дома. Говорили, что он читал, например, газету «Мизан», на страницах которой историк Мурат-бей восхищенно описывал события Французской революции. Сам Нусрет уверял, что отправился в Париж, чтобы продолжить медицинское образование, — якобы хотел изучать хирургию. По мнению же Джевдет-бея, который знал, что брат начинал нервничать,

[1] *Хайдарпаша* — район в азиатской части Стамбула.

даже когда надо было зарезать курицу, он сбежал в Париж из-за неудовлетворенности своей жизнью. По той же причине, думал Джевдет-бей, четыре года спустя брат вернулся из Парижа, развелся с женой, начал пить, ополчился против султана и снова уехал в Париж, где примкнул к младотуркам (все они алкоголики!). А потом, оставшись без работы, без денег и оголодав, вернулся в Стамбул. Однако все-таки Джевдет-бей порой признавался себе, что в каком-то смысле Нусрет — личность более достойная, чем он сам; знал он и то, что в глазах многих Нусрет выглядит куда более приятным, душевным и внушающим доверие человеком, чем его брат. Причина такого отношения людей к брату, по мнению Джевдет-бея, заключалась в том, что на Нусрете не лежало никакой, даже самой мало-мальской, ответственности. Он же, Джевдет-бей, от ответственности не уклонялся — пусть это и была ответственность лишь перед самим собой и собственной жизнью. Такие мысли несколько смутили Джевдет-бея, но потом он снова сказал себе: «Я человек ответственный. У меня есть цели, которые я должен достичь, и я знаю, чего должен добиться. А этот строптивец только шуметь горазд».

Глава 3
МЛАДОТУРОК

Карета свернула в узкую улочку, на которой находился отель «Савой», и через несколько минут остановилась рядом со старым двухэтажным зданием. Хозяйка пансиона открыла Джевдет-бею дверь и почтительно отошла в сторонку, краем глаза поглядывая на карету. Потом, стараясь не упустить благоприятной возможности, она побежала вслед за ним по лестнице, на ходу жалуясь на поведение Нусрета: он-де все шумит, не дает покоя другим постояльцам и, хоть и больной, ведет себя безнравственно. Понимающе кивая в ответ на угрозы хозяйки выставить беспокойного постояльца из пансиона, Джевдет-бей думал, что, должно быть, дела об-

стоят не так уж и безнадежно. Быстро взбежав по каменным ступеням, он постучал в дверь. Последний раз он был здесь две недели назад, сразу после помолвки.

Как он и ожидал, дверь открыла армянка. Увидев ее, Джевдет-бей, по обыкновению, покраснел. Чтобы скрыть смущение, напустил на себя задумчивый вид, точно пытался вспомнить что-то важное, и быстро прошел в комнату.

— Как Нусрет? — спросил Джевдет-бей и тут же увидел брата, лежащего в кровати, привалившись спиной к подушке. «Все с ним в порядке!» — подумал он.

— А, это ты? Каким ветром тебя сюда занесло? — поприветствовал Джевдет-бея брат.

Тот улыбнулся, пытаясь по голосу понять, каково состояние больного, потом подошел ближе и склонился к изголовью, чтобы обнять его и расцеловать в щеки.

— Туберкулезных не целуют! — сказал брат, но все же позволил себя поцеловать — с таким видом, будто оказывал Джевдет-бею благодеяние.

— Как ты? — спросил Джевдет-бей, усаживаясь на стул в углу комнаты.

Вместо ответа брат задумчиво протянул:

— Что это, интересно, надоумило тебя сегодня ко мне заглянуть? — Потом подозрительно взглянул на присевшую рядом женщину и спросил: — Мари, уж не ты ли его позвала?

— А зачем мне его звать? Ему самому захотелось тебя повидать, — ответила Мари. Голос у нее был нежный и мелодичный.

— Неужели, чтобы я тебя навестил, меня нужно обязательно звать? — спросил Джевдет-бей и покраснел, потому что, как всегда в присутствии брата, его стали мучить угрызения совести. — Как ты? Как самочувствие?

Нусрет раздраженно повернулся к армянке:

— Нет, это ты его позвала. Он уже второй раз справляется о моем здоровье. С чего бы это?

— Боже мой, Нусрет! — простонала Мари и подошла к кровати, чтобы успокоить его. Поправляя одеяло, обернулась к Джевдет-бею. — Вчера вашему брату было очень пло-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Предисловие

Глава 1. Утро 7
Глава 2. Коммерсант-мусульманин 15
Глава 3. Младотурок 24
Глава 4. В аптеке 29
Глава 5. В старом квартале 35
Глава 6. За обедом 42
Глава 7. В особняке паши 52
Глава 8. О времени, о семье, о жизни 61
Глава 9. Каменный дом в Нишанташи 71
Глава 10. Просьба больного 78
Глава 11. Умные и дураки 87
Глава 12. Ночь и жизнь 96

ЧАСТЬ II

Глава 1. Молодой завоеватель в Стамбуле 103
Глава 2. Праздничный обед 113
Глава 3. После обеда 120
Глава 4. Старые друзья 130
Глава 5. В другом доме 138
Глава 6. Что делать? 144
Глава 7. Перед тем как отправиться в путь 154
Глава 8. Дамы в Бейоглу 161
Глава 9. В конце дня 168
Глава 10. Письмо с Востока 173
Глава 11. Выходной день в Бешикташе 178
Глава 12. Дядя и племянник 186

Глава 13. Сватовство ... 194
Глава 14. Прогулка на свежем воздухе ... 202
Глава 15. Поэт-инженер на помолвке ... 211
Глава 16. Честолюбив и помолвлен ... 221
Глава 17. Полвека в торговле ... 227
Глава 18. Похороны ... 236
Глава 19. Жара и младенец ... 245
Глава 20. Почему мы такие? ... 254
Глава 21. Мейхане в Бешикташе ... 263
Глава 22. Дневник, часть первая ... 272
Глава 23. Снова праздник ... 279
Глава 24. Буря ... 286
Глава 25. Комната Растиньяка ... 297
Глава 26. Утро первого дня ... 303
Глава 27. Поэт в Бейоглу ... 311
Глава 28. Чтобы провести время ... 317
Глава 29. Дневник, часть вторая ... 325
Глава 30. Два любителя музыки ... 330
Глава 31. Пробуждение? ... 337
Глава 32. Печали коммерсанта ... 347
Глава 33. Голос сердца ... 360
Глава 34. Прием ... 365
Глава 35. Все те же скучные споры ... 373
Глава 36. Переезд на остров ... 380
Глава 37. Укладка рельсов ... 388
Глава 38. Последний вечер ... 395
Глава 39. Осень ... 403
Глава 40. Анкара ... 410
Глава 41. Дочь Республики ... 418
Глава 42. В гостях у депутата ... 425
Глава 43. Государство ... 434
Глава 44. Надежды депутата меджлиса ... 449
Глава 45. Разговор с экономистом ... 458
Глава 46. Националисты ... 470
Глава 47. Скука ... 479
Глава 48. Несчастье депутата ... 486

Глава 49. Семья, нравственность и прочее 494
Глава 50. Снова в Стамбуле 504
Глава 51. Поездка в Кемах 510
Глава 52. По-прежнему в поисках 515
Глава 53. Разговор с курсантами 528
Глава 54. Время и настоящий человек 535
Глава 55. Праздник обрезания 540
Глава 56. Страшный суд 550
Глава 57. Медузы 561
Глава 58. Воскресенье 573
Глава 59. Крах? 581
Глава 60. Дневник, часть третья 591
Глава 61. Суматоха 602
Глава 62. Все хорошо 607

ЧАСТЬ III
Послесловие

Глава 1. Начало дня 617
Глава 2. Многоквартирный дом в Нишанташи 624
Глава 3. Сестра 631
Глава 4. Друг 639
Глава 5. У телефона 650
Глава 6. Ужин 656
Глава 7. Вместе 665
Глава 8. Старые тетради 674
Глава 9. Жизнь и искусство 683
Глава 10. Похвала бегу времени 691

Памук О.

П 15 Джевдет-бей и сыновья : роман / Орхан Памук ; пер. с тур. М. Шарова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 704 с. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-08966-2

Дебютный роман «Джевдет-бей и сыновья» занимает в творчестве Орхана Памука особое место. Отголоски событий, имена персонажей этой увлекательной семейной саги, охватывающей три поколения стамбульской семьи, можно найти во многих книгах писателя. В этом произведении, напоминающем «Сагу о Форсайтах» Голсуорси и «Будденброков» Томаса Манна, нашли свое отражение все любимые темы будущих романов Памука: стремление человека найти свое место в изменчивом мире, противостояние Востока и Запада, любовь к историям и загадкам, конфликт отцов и детей. И прежде всего, конечно, описания Стамбула, того, как менялся этот неповторимый город на протяжении XX века.

УДК 821.512.161
ББК 84(5Туц)-44

Литературно-художественное издание

ОРХАН ПАМУК

ДЖЕВДЕТ-БЕЙ И СЫНОВЬЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Дмитрий Капитонов, Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.02.2018. Формат издания 84 × 108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 36,96. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-AUM-16978-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19
e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60
e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru,
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/